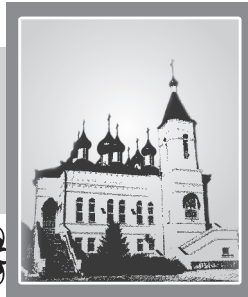

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Кому известно, что самое тяжелое в монашестве? Я хоть и не монах совсем, учил сутками молчать, богомыслием, но все же знаю точно, и вам скажу. Это не труд, и не долгие службы, и не целомудрие даже, а послушание. Отсечение воли. Делай, как сказали, а не как ты видишь, не как тебе кажется. Все, что у тебя свое, это только «тебе кажется», а ты делай, как сказали. «Кажется» свое забудь. Это и есть самое сложное. Архисложное. Ибо все мы своевольники и самовольники. Читаем в молитве Господней «да будет воля Твоя», а сами в душе шепчем сладкие слова: «Моя! Моя воля да будет! Пусть все в мире по моему будет и ныне, и присно, и во веки веков». Разве я не прав?

«Отсеки волю свою — и погаснет Ад», — говорил блаженный Августин. Какие слова! Ад наполнен своевольниками, которые спорят с Богом о мироустройстве. Они бы хотели, если не в «творцы», то хоть в советники Творца записаться. А ими пренебрегли, их не спросили, как миром править. Обидно. Даже до бунта и вечного пламени обидно. Именно так бесы мыслят. «Ну, я же все знаю, а мне — перстом на дверь. Да я теперь весь мир с четырех сторон зажгу, потому что меня — уникального — в строй поставили». Своеволие — бич небес, потому что там ангел-бунтовщик однажды объясвился. Своеволие также и бич земли, потому что к нам сошел сатана в великой ярости, зная, что ему не так уж много времени осталось (Откр. 12, 12). Люди, в силу свойств падшей природы, суть своевольники и самоугодники. Бесовы жертвы. Они Богу Святому служить и угождать повсеместно отказываются. А мы удивляемся, что чиновники и депутаты часто густо — воры и обманщики? Тот украл, тот натворил невместимое... А вы как хотели? Чтобы все служили? Вам служили? Перекреститесь.

По логике представительной демократии делегаты и депутаты должны быть так же лишены своей личной воли в пользу избирателей, как и монахи-послушники — в пользу игумена. Я, мол, не от себя действовать буду, но токмо волею вашею, меня направившею в высокое представительство. Воли моей у меня нет! Воля моя отменена напрочь, до самого окончания каденции, и это в пользу воли вашей (то есть избирателей). Так должен говорить всякий представительный демократ, который на практике часто болтун, член какой-то команды, вор (с компроматом в тайной папке) и намеренный своекорыстник. И не кажется ли вам, что человеку вовсе не верующему, и не ищущему благодати, и не имеющему иных великих целей, кроме комфорта и вечного удовольствия, да еще угождения начальству, демократия вменяет в должностную обязанность нечто неподъемное. А именно, исполнить самое тяжелое духовное дело — отсечь свою волю? Демократия говорит: служи народу. Забудь про себя. Соверши духовное самозаклание. Живи для тех, кто тебя выбрал!

Но позвольте! Это же чистая глупость. Это же неоправданный перенос духовных требований в мир странных людей. Порой — нарочитых безбожников. Они не умеют жить для идеи. Только на карман. Следовательно, требовать от выборных персоналий жертвенности и служения — совершенно глупая затея. Не будут они волю свою отсекать. Не будут. Да и не умеют,

даже если бы захотели. Кто бы их наставлял? Я хоть и не монах совсем, учил сутками молчать, богомыслием, но все же знаю точно, и вам скажу. Это не труд, и не долгие службы, и не целомудрие даже, а послушание. Отсечение воли. Делай, как сказали, а не как ты видишь, не как тебе кажется. Все, что у тебя свое, это только «тебе кажется», а ты делай, как сказали. «Кажется» свое забудь. Это и есть самое сложное. Архисложное. Ибо все мы своевольники и самовольники. Читаем в молитве Господней «да будет воля Твоя», а сами в душе шепчем сладкие слова: «Моя! Моя воля да будет! Пусть все в мире по моему будет и ныне, и присно, и во веки веков». Разве я не прав?

Слово пастыря

Монах — тот знает, как трудно гнуть свое «я» под волю Богом поставленного начальства. Но то монах. У него были слезы, и благодать обращения, и чудо пострига, и многое иное. А депутат не знает всего этого и знать не желает. Он сам, как игумен, звонит по телефонам и раздает приказания. Не собиравшись он гнуть свою волю под волю избирателя. Не для этого во власть рвался. Вот под начальника — да. Но не под избирателя. Он ведь просто собиравшись на горбу безликого плебса залезть на политический Олимп или на капитанский мостик политического корабля, откуда удобно плевать на все, что шевелится ниже ватерлинии. Вот предел его желаний. А мы ему, согласно прописанному механизму, вменяем в обязанность отсечение своей воли в пользу избирателей! Получается, что мы в самом принципе ошиблись. Демократия ныне — это «священная корова». Ее ругать — себе же хуже. Тоталитарная промывка мозгов так крепко потрудила, что слабый писк на демократического идола воспринимается как жуткая хула. Тем не менее внутри позолоченного идола живут летучие мыши, и обретается обычная паутина. Принцип ложен.

В основу демократии как принципа заложены очень высокие духовные понятия (отсечение воли), которые и с помощью благодати выполнить нелегко. В основу всего сущего, отметим, вложены духовные понятия, мало кем замечаемые. И понятия эти, по причине незаметности, неузнанности, никто и выполнять не собирается. Все превращено во фразу и позу, в болтовню и манипуляцию общественным сознанием. И в этом смысле демократия есть та самая «великая ложь нашего времени», о которой писал К.П. Победоносцев, к чьей одноименной работе мы и отсылаем любителей полезного чтения, пользуясь случаем.

Победоносцев вскрывает, словно скальпелем, лживую сущность парламентского представительства. Оно, согласно его мысли, работает без сбоев только в голове, когда воображается и представляется. Точно как революция и следующее за ней счастье. Участники схемы в голове воображателя подобны подшипникам и шестеренкам. Это не живые люди, а функции. Учитель, избиратель, сенатор — это имена функциональных действий, за которыми прячется живая душа. Это и есть механистическое мировоззрение, вынесенное в социум. Общество — механизм, всякий в нем — винт или что-то около того. И не сыпать лишние слова на Сталина и его эпоху. Говоря о заменимых «винтиках», Сталин просто выражал общие европейские мысли о государственном устройстве. Старые европейские мысли.

Но суть в том, что люди не подшипники. Они своевольны. Они делают не только то, что функционально заложено в механизм, но и то, что им делать нравится. Они залазят во власть не для служения, не для функционального действия, а чтобы им служили. И это бич любого государственного устройства. И кому это не понятно? Если бы коленвал или каждый подшипник в ходовой имел свою волю, машина бы никогда не тронулась с места. Так бы и проходили

у разумных деталей митинги за митингами, дебаты за дебатами, а механизм бы стоял и ржавел.

Но демократия работает, возразят. США, Европа. Плоды же очевидны. Да, демократия работала. Подчеркнем — работала как временно правильное устройство, а не как вечный двигатель и безупречный механизм. Она истощается и помирает на наших глазах. Пищит и умирает повсеместно. Она работала, пока жил тип людей, родивших ее саму. С исчезновением же ответственного и верующего человека у демократии нет шансов. Она умрет. Усохнет, как шагреньевая кожа.

Демократия вполне работает только в обществе, где сильны нравственно-религиозные мотивы. «Наши руки привыкли к лопате и граблям. Мы не тунейцы. Наши жены рожают по семьдесят детей, и про аборт мы слышать не хотим. Гомосексуалист рискует жизнью, явившись в наш городок. И если ты не идешь в воскресенье в церковь, я откажусь здороваться с тобой. Да, и не только я, но вся улица, весь поселок. Мы умеем веселиться и знаем, что такое тяжелый труд. Мы чтим Бога как умеем, как нас научили, и, если что, умеем воевать». Вот такие люди и родили демократию и все ее процедуры: выборы, дебаты, протесты, импичменты. С ними такие процедуры и работают. А иначе нет. Иначе все преем и чахнет. Процедуры остались, но человек, изобретший их и поддерживающий их существование, исчезает. Значит, скоро исчезнут и сами процедуры.

Русские играют в демократию. Никто из русских до конца в демократию не верит. Да, мы хотим свободы, хотим, чтобы нас не трогала просто так милиция на улице. Мы много чего хотим. Хотим откладывать с зарплаты деньги на учебу детям и путешествовать. И прочее. Но в демократию мы не верим. Нам навязали ее, а мы сделали вид, что уверовали. Но нет. Все же русские понимают, что власть — это не нанятый менеджмент (ужасно глупое и утопическое определение), а служилая часть общества. Ты во власти — ты служишь. Как священник служит, как врач и учитель служат. Да, ты себе не принадлежишь. И шкуру с тебя содрать можно в любое время, о чем ты сам знаешь. Есть за что. Так служи. Не отработывай и не зарабатывай, а служи. Старикам, бюджетникам, малышне брошенной, мамам-одиночкам, подросткам... Служи. Всеобщему обществу. Русский человек только через служение жизнь понимает и благословляет. Потому в душе он монархист. Остальные схемы он понимает как лживые, хоть и не может аргументированно свою мысль пояснить. Но, пользуясь случаем, я отсылаю ваше внимание к статье К.П. Победоносцева «Великая ложь нашего времени». Там вполне разумно, даже холодно и отстраненно (можно и погорячей), описывается механизм хваленной демократии со всеми его тайными пороками, не всегда понятными обывателю. Константин Петрович достоин того, чтобы стать открытым заново именем.

Ну, а нам дальше жить, сколько Бог позволит. Кстати, и на выборы ходить, хоть в пользу их у нас веры мало. Жить и искать духовную подоплеку в происходящем вокруг вавилонском смещении. Везде ведь есть духовная подоплека. Жить и писать об этом. И обсуждать прочитанное.

Протоиерей Андрей Ткачев

Вопросы священнику

Испытывая неприязнь к Г. Распутину, ловлю себя на том, что его близость к царской семье омрачает в моих глазах образ помазанника Божьего. Как мне преодолеть это внутреннее противоречие?

Личность Распутина представляет для меня неразрешенную загадку. Около него скопилось столько страстей, что вряд ли мы сможем иметь объективную информацию. В Патерике написано, как преподобный Антоний задал трудноразрешимый вопрос своим ученикам. Каждый отвечал, как мог, а один сказал «не знаю», и Антоний Великий ответил, что такой ответ ближе всего к истине. Царь-мученик любил простой народ и видел в лице Распутина представителя народа. Надо отметить, что Распутин обладал умом и проницательностью, и его настойчивые советы не вступать в войну с Германией вызывали ненависть тех сил, которые подготавливали гибель империи. Если даже предположить, что царь ошибался в Распутине, то многие святые по своей доброте и доверчивости ошибались в людях, которые казались близким им (например, святой Григорий Богослов — в Максиме Кинике). Но, повторяю, я лично считаю, что мы об этом узнаем не на земле, а в будущей жизни.

Вы выступаете против использования противозачаточных средств, но что делать супругам, которые не могут позволить себе иметь много детей по разным причинам, а плоть «бунтует» и просит своего? Ведь ап. Павел именно призывает вступать в брак, дабы избежать похоти и греха блуда.

Запрещение противозачаточных средств является каноническим, а священник может действовать только в русле церковных законов. Противозачаточные средства, в большинстве своем, — скрытое детоубийство, а в других случаях — взаимный онанизм, о котором свидетельствует апостол Павел, что такие люди царства небесного не наследуют. Христианство требует жертвы, поэтому следует иметь столько детей, сколько даст Бог.

Как относиться к актерам: ведь их раньше даже не хоронили на общем кладбище? И вообще, в этом контексте допустим ли сам просмотр фильмов, пусть даже и благочестивого содержания?

Прежде всего, надо следить, чтобы самому не стать артистом в жизни. Если человек будет серьезно заниматься духовной жизнью, то кинофильмы ему будут уже нужны, то есть, их самому не захочется смотреть.

Если в праздник приходится работать, то вечером можно отмечать его, ведь вечерня уже прошла?

Вечером дома можно прочитать молитвы, относящиеся к празднику, а днем во время работы читать Иисусову молитву.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

НОВОСТИ

13.12.2016. Столетнюю церковь в США превратят в мечеть. Протестанты в городе Бриджпорт решили продать здание своей церкви местному исламскому общинному центру. Стоимость здания, построенного в 1920-х годах, составляет миллион долларов. Мусульмане намерены превратить его в мечеть. Как заявили в конгрегации, в ведении которой находится здание, содержать его стало не по карману по причине резкого сокращения количества членов общины. Местное сообщество мусульман насчитывает примерно тысячу человек, сообщает «Интерфакс-религия».

14.12.2016. Жириновский предложил вернуть юлианский календарь. Лидер ЛДПР Владимир Жириновский предложил вернуться к юлианскому календарю и праздновать Рождество не 7 января, а 25 декабря. «Был юлианский календарь, мы перешли к григорианскому. Весь мир Рождество (отмечает) 25 декабря, а у нас в России человек родился 7 января... Какое предложение? Вернуться к юлианскому календарю», — цитируют депутата «Известия». По мнению Жириновского, также в РФ необходимо вернуть гимн «Боже, царя храни» и поменять российский триколор на имперский, черно-желто-белый.

15.12.2016. Папа Франциск стал пятым среди самых влиятельных людей мира по версии «Форбс». Возглавляет список президент России Владимир Путин, за которым следуют избранный президент США Дональд Трамп, канцлер Германии Ангела Меркель и китайский лидер Си Цзиньпин. В прошлом году глава Римско-Католической Церкви занимал в этом списке 4-е место. Журнал «Форбс» составляет список самых влиятельных людей мира с 2009 г.

16.12.2016. Жители села Боголюбово добились переноса производства презервативов в другое место. Жители села Боголюбово Владимирской области, выступившие против строительства завода, где в рамках импортозамещения планировалось производить презервативы, добились того, что для производства ищут новую площадку.

«Ваша философия» и другие рассказы протоиерея Алексея Лисняка

Продолжение. Начало в №37 (377)

Сеятели бисера

Ну никак не получается вспомнить этого человека. Где я мог его раньше встречать? Мы сидим с ним бок о бок на остановке уже минут двадцать. Транспорт в день Пасхи ходит по-праздничному – почти никак. Вся огромная крещеная страна отдыхает. Праздник Воскресения Христова – праздник Жизни – большинство почему-то отмечают на кладбищах, хотя в церквях прошлой ночью было куда как веселее: крестные ходы, яркий свет, торжественные окрыляющие гимны и почти никакого чтения... Богослужебный язык, самый богатый и поэтичный, в прошлую ночь будто обнищал. Да и какому языку под силу хотя бы частично передать всю полноту нынешнего торжества? Христос Воскресе! Воистину Воскресе! После такого восклицания все слова будто теряют вес.

Сижу на холодной скамье. Над городом плывет вязкий густой звон со всех окрестных колоколен. Мурлыкаю про себя «Христос Воскресе из мертвых» киевского распева, как ночью на службе запало. Стараюсь не слушать собеседника, который все бубнит и бубнит. Где же я мог с ним раньше встречаться?.. Солнышко, с восхода алое, теперь порыжело, играет на шеломах церквей, забрасывает пасхальными зайчиками улицы. Они то и дело падают на прапорщицкие звезды моего неугомонного соседа. Помятая пилотка, засаленная тельняшка, сверлящий взгляд всесветного господина участкового. На коленях – драная кожаная папка.

– Как вы, попы, одолели! Житья от вас людям нет! – он весьма эмоционален. – Звон подняли во всех церквях! Ни отдохнуть людям, ни выспаться! Такой праздник, сейчас бы сидеть на кладбище да поминать, как положено, а вы тут устроили! Из-за ваших идиотских служб на вызов вот еду, в такой день!

Поначалу мне хотелось его ободрить, рассказать про праздник, чтобы и ему стало радостно, но он сразу отгородился: я его поприветствовал: «Христос Воскресе!» Он вздрогнул, как от боли, и ответил: «Пошел ты!» Мне его сразу стало жалко. Заметно было, что прапорщик мается. Праздник он понимает по-своему, ну и чувствует себя сообразно пониманию. Побыл бы на службе, может, и радовался бы.

– Это власть во всем виновата. Дала вам, попам, свободу, вот вы и устроили Варфоломеевскую ночь! Церковь как раз напротив моих окон. Раньше хорошо было, пока там склад квартировал, а нынче всю ночь – дзынь да дзынь! Мы с братом – только к столу, а спокойно ни выпить, ни поговорить, звон глушит. По телеку – то же... Потом звенеть кончили. Ну все, думаем, выьем, отдохнем. А тут бабки под окнами какие-то непонятные песни стали орать!

Я пытался ему объяснить смысл «каких-то непонятных песен» и что воспевали бабки в этот главный праздничный день, но оказалось, что о празднике он и сам знает немало. Во всяком случае меня он снова слушать не стал:

– Что я, Пасху что ли не знаю!? Мы ее всю жизнь отмечаем. Всю жизнь, испокон веку яйца красим и на кладбище ходим бух... то есть поминать! Всегда без ваших поповских штучек обходились!

Постепенно ощущение того, что мы могли раньше встречаться, сменилось другим. Мне стало казаться, что раньше я его знал. Или даже знал не его самого, а о нем. А может быть, читал про него или слышал? Окружная фигурка, маленький росток. Не новый и несвежий повседневный мундир, растегнутый «до пупа». Понимаю, что другой, парадный, ему не подошел бы. И эта речь, уверенная в честности и правильности своего автора...

– Конечно, теперь у попов свобода! – он даже минуту не может помолчать. – Загораю с тобой вот на остановке из-за ваших прихотей, вместо того чтоб... Эх!..

– Каких еще наших прихотей?

– А таких! На моем участке тоже теперь церковь есть. Так ваши верующие около нее отмечали всю ночь. Потом один другого по башке пустой бутылкой – хрясь! Теперь вот езжай, товарищ прапорщик, протокол пиши.

– Так это, наверное, не наши верующие были, – говорю, – нашим некогда было водку трескать. У них служба шла ночью,

а перед ней пост длинный, устали все. И потом, наши-то, они не около церкви, а внутри. Те, кто возле, скорее всего не наши.

На его опухшем лице обозначилась усталая улыбка:

– Вечно вы, попы, выкручиваетесь! «Наши, не наши!»! Не было бы ваших дурацких служб, я бы тоже сейчас праздновал! Вот и все!

Тоскливое, совсем не праздничное общение у нас склеилось. Чтобы окончательно не скиснуть, про себя пою «Христос Воскресе». Колокольни, одна за другой, стихают. С городских кладбищ потянулись первые отметившие, а автобуса все нет. Созерцаю профиль участкового, и меня не покидает ощущение старого заочного знакомства с ним. Маленькие глазки утонули в мясистом лице, над ними рыжие незаметные брови. Толстые уши будто висят из-под пилотки, над бодро шлепающими губами – круглый объемный нос... Может быть, вовсе и не его я знал, не о нем читал? Может быть, какой-то хрестоматийный герой литературы на него похож? Или он на этого героя? Перебираю в голове картотеку знаменитых персонажей. Гоголевский Бульба? Глупое сравнение. Тогда скорее уж Пацюк. Вглядываюсь в участкового. Нет, не тянет на Пацюка. Размах не тот. Унтер Пришибеев? Нет, слабоват характер. Обломов? Вряд ли. Обломов хотя и литературный, но все же – главный герой, образцовый характер, родоначальник целого явления – обломовщины. А здесь скорее что-то второстепенное, даже закадровое, междустрочное. Глупые мысли в такой-то праздник. Христо-ос Воскресе-е из-з ме-е-ертвых... Мой «междустрочный» герой неумоим. Опухший, он все треплет и треплет непонятно к чему пришитым языком:

– Народ обобрали! Заводы поразвалили! Церквей тут понастроили, понимаешь!

В окне подъезжающего автобуса светится пасхальным счастьем лик немолодого уже монаха отца Сильвестра. Мой собеседник увидел это и обрадовался такому явлению больше, чем самому автобусу. Конечно же он, как всегда, прав:

– Вот зараза! И тут попы! Раньше и автобусы чаще ходили, а теперь из-за вашего брата...

Он поднялся и покатился к автобусу на своих круглых ножках. Жировые складки на его толстой шее как-то по-праздничному весело затряслись. Ехать этим же рейсом, в его компании, мне не захотелось. К тому же отец Сильвестр уже выпрыгнул из автобуса, заметил меня, замаяхал рукой и вприпрыжку побежал к моей скамейке:

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе! – мы облобызались.

– Ничего не говори, – затараторил он, – сейчас я тебе самое-что расскажу. У нас ночью, на службе, наши все видали... в нашем храме... короче, слушай. Народу у нас на ночной, ну ты знаешь, как в соборе-то – не продохнуть. Собрал я воскресную школу – ребятишек, преподавателей, родственничков, что в гости приехали к празднику, и поставил у малого алтаря. Тут по-свободнее, думаю, не затопчут. Открыл перед крестным ходом царские врата в малом алтаре, а сам к братии побежал, в большой. Там на Пасху служим все, ну ты знаешь. Отслужили, как обычно, радуемся. Настоятель меня поставил крест народу давать. Все так и цветут! Ясное дело, Христос воскрес! Подходят и ребятишки мои, воскреснички. Поцеловали крест, столпились и пытаются, почему, дескать, все наши батюшки служили в красном облачении? Разве не в белом положено? Ну, я объясняю, что, мол, по уставу в красном-то, как и надо на Пасху, а как же. Они и говорят: а в малом алтаре Ангелы, которые служили, все в белое облачение были одеты. Представляешь, какая служба у нас в соборе была?! Все, говорят, кто у малого алтаря стоял, все видали ангельскую службу. Я попросил их, каждого, нарисовать, какая эта служба была. Сам пока пошел, разоблачился. Выхожу из алтаря, они мне и показывают. У всех одинаковые рисунки получились! Вот радость-то! Бегаю теперь, всем эту новость разношу. Не все, правда, одобряют. А то еще и посмеиваются. Да это и понятно. Я не горюю. Господь ведь говорил в Евангелии про свиней, ну ты знаешь, читал? Чтобы, дескать, апостолы не разбрасывали драгоценные дары – бисер – перед свиньями. Ногами, дескать, эти свиньи все истопчут и ничего не поймут... Ладно, дальше, вон в ту церковь побегу, в Успенскую, похристосуюсь.

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе!

Он убежал, точнее, ускорился на радости. Славная встреча. И новость добрая, и разъяснил мне отец Сильвестр наконец, что за герой и из какой литературы меня на этой остановке нынче

донимал.

Сгоряча

Объектив телекамеры, пусть даже и районного масштаба, заставляет трепетать. Сан Саныч во время перерыва на рекламу вылакал полпузырька валерьянки – не помогло. Вытер испарину со лба, а лоб вот уже и опять мокрый. Стотысячный город и весь район сейчас смотрят в вечерних новостях прямой эфир с новым руководителем местного сельхозуправления.

Сан Саныч заступил на этот пост совсем неожиданно. Преджний начальник помер, и его – успешного директора совхоза – назначили... сгоряча...

Все новое, непривычное. Под окнами администрации возле персонального «Вольво» курит личный шофер. На полях, было дело, ждали новые сеялки, а управление для развития села прикупило такую вот «сельхозтехнику». Галстук душит, часы за последние три дня с непривычки докрасна натерли правую руку. «Привыкай, брат, все теперь так носят, на правой. И озадачься на досуге – купи ракетку, кимоно и лыжи. Что-нибудь обязательно скоро пригодится. Работа теперь у тебя такая. Это тебе не коровам хвосты крутить».

Так районный глава поучал недавно. «Коровам хвосты... Что он в этом понимает! В моем совхозе еще осталось немного коров, да. Но это вопреки... потому, что мы в своем хозяйстве на лыжах не бегали, некогда».

...Перерыв вот-вот закончится. Оператор уже нацепил наушники, мужик в спортивном костюме опять врубил свет, глаза защипало. Барышня через столик напротив захлопнула пудреницу. Сейчас снова начнет вопросы источать. Сан Саныч не учился риторике, он начинал на тракторе. Новые речевыеобороты никак не хотят запоминаться.

Накануне по совету опытных товарищей он готовился к этому первому интервью – сидел дома и всю ночь штудировал похожее интервью, только в исполнении самого губернатора. Того спрашивали: «Что вы намерены делать с разрушенной промышленности?», а он в ответ: «Промышленность у нас испытывает тяжелые времена – заводы стоят, экономика не...» Его спрашивают, как вы намерены возрождать сельское хозяйство в области, а он: «Сельское хозяйство это важнейшая отрасль... структура...» Будто без губернатора этого никто не знает! Его спрашивают, как вы намерены работать в социальном направлении, а он: «Гражданам нужны конкретные результаты в этом направлении, это важнейшая сфера...» Сан Саныч даже заматерился: «Да сами мы знаем, какая это сфера! Делать, делать-то что ты будешь? Самой области уже не осталось, руины, а он!..» Сан Саныч свирепел и... конспектировал губернаторские мысли. Быстрее всего он запомнил ответ о духовном развитии региона: «Возрождение духовности – это символ... Важнейшее направление, актуальный вопрос...» Что делать, начальство опять не говорит, зато слово «символ» – ух, шибко к месту! – понравилось.

...В наушнике протрещало: «Приготовились, начали!» Камера засветилась красным огоньком, журналистка расплылась в приторной улыбке, Сан Саныч остолбенел. Ведущая обратилась к нему: «Уважаемый Сан Саныч, наших зрителей интересует, как под вашим руководством в районе пройдет посевная кампания? Что для этого делается?» Руководитель напрягся, мозги скрупулезно зашевелились, на пиджак с носа стекла холодная капля. «Как бы губернатор ответил?.. Символ? Не подходит. Важнейшее направление? – тоже. И «положительная динамика» сюда не вяжется. Известно, как посевная пройдет! – денег в районе нет, соляры нет, семян нет, техника осталась только в одном хозяйстве, в том самом, в моем... которую лепили из металлолома, пока покойный руководитель фотографировался с динамикой и шил себе выходное кимоно».

...Пауза затянулась. Наушник ободряюще зашептал: «Успокойтесь, представьте себе, что камеры нет, вы просто сидите с друзьями, беседуете». Сан Саныч открывает рот, прижимает к столу трясущуюся руку. «Давайте-ка... глубокий вдох-выдох. Расслабьтесь, говорите». Сан Саныч остервенело вдохнул, закашлялся. Ведущая зловеще улыбается, стреляет свирепыми глазами, ерзает. Издевается?.. Рука сама нащупывает галстук, тянет его в рот. Сан Саныч ловит себя на этом, отирает галстуком лицо, сморкается... Мычит...

В наушнике заорали: «Говорите же хоть что-нибудь! Уже и так опозорились! Теперь терять нечего».

Сан Саныч будто очнулся, захлопнул рот. Спокойно передел часы на левую руку и...

Искренне рассказал телезрителям, как пройдет посевная.

Продолжение следует

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

18 дек., вс. – Неделя 26-я по Пятидесятнице. Прп. Саввы Освященного. Свт. Гүрия, архиеп. Казанского. Прпп. Кариона монаха и сына его Захарии.

19 дек., пн. – СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛА́Я, АРХИЕПИСКОПА МИР ЛИКІ́ЙСКИХ, ЧУДОТВОРЦА.

20 дек., вт. – Свт. Амврósия, еп. Медиолáнского. Прп. Ніла Столобénского. Прп. Антónия Сійского. Прп. Иоанна, постника Печерского.

21 дек., ср. – Прп. Патáпия. Прп. Кирилла Челмогóрского. Апп. от 70-ти Со-сфена, Аполлоса, Кифы, Тихика, Епафродита, Кесаря и Онисифора. Мц. Ан-фисы в Риме. Мчч. 62-х иереев и 300 мирян, в Африке от ариан пострадавших.

22 дек., чт. – Зачáтие прав. Анною Пресвятой Богородицы. Свт. Софрония, архиеп. Кипрского. Иконы Божией Матери, именуемой «Нечáянная Радость».

23 дек., пт. – Мчч. Мíны, Ермогéна и Евгáфа. Свт. Иоасáфа, еп. Белгoрoдского. Прав. Иоанна Сербского. Мч. Гемелла Пафлагонянина.

24 дек., сб. – Прп. Даниі́ла Сто́лпника. Прп. Нікона Сухoго, Печерского, в Ближних пещерах. Мчч. Акепсия и Аифала. Мч. Миракса. Прп. Луки Столпни-ка. Сщмч. Николая пресвитера. Сщмч. Иоанна пресвитера.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!